

НОВАЯ КНИГА.

«Жизнь Спасителя нашего Господа Иисуса Христа». С.-П.-В. 1904 г.

Эта новая книга — произведение священника Иоанна Бугославскаго, перо котораго пользуется заслуженною извѣстностью и уваженіемъ въ кругу читателей «Вѣстника Военнаго Духовенства». На страницахъ «Вѣстника» начата была печатаніемъ въ 1903 году. Уже по первымъ №№-мъ можно было ожидать, что сочиненіе это выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ. Такъ и случилось. Книга эта теперь предъ нашими глазами. На заглавномъ листѣ значится: «издалъ О. Протопресвитеръ военнаго и морского духовенства, въ пользу вдовъ и сиротъ подвѣдомыхъ ему священно-церковнослужителей». Издана изящнымъ томикомъ, въ 338 стр., на хорошей бумагѣ, четкимъ крупнымъ шрифтомъ. Отмѣтивъ эти первыя — виѣшнія впечатлѣнія, перейдемъ къ внутреннимъ, такъ какъ и сама по себѣ и въ виду несомнѣннаго широкаго распространенія книга эта заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Счастливая, рѣдкая идея автора встрѣтила отличное исполненіе. «Жизнь Иисуса Христа» написана увлекательно, популярно, талантливо, литературнымъ живымъ языкомъ. Благодаря наличности этихъ качествъ она является чтеніемъ легкимъ и очень занимательнымъ. Занимательность ея много поддерживаютъ картинныя поэтическія описанія св. земли. Такъ и кажется, что авторъ самъ видитъ ее и на минуту приподнимаетъ предъ взоромъ читателя завѣсу вѣковъ, открывая, по ходу повѣствованія, то одни, то другія мѣстности, города и вѣси земли той, которую «Христосъ исходилъ благословляя», и они предстаютъ какъ живые во всей ихъ былой красотѣ. Виднѣтся земля, «текущая млекою и медомъ», земля святая, земля благословенная. Потомъ завѣса опускается, является другая — современная картина... Вотъ видѣнъ г. Капернаумъ. Онъ на берегу «Геннисаретскаго озера, въ мѣстности, которую можно было назвать земнымъ раемъ. Пышность ея растительности, разнообразіе ея деревьевъ, плодородіе ея почвы, богатство жатвы дѣлали эту страну въ дѣйствительности Геннисаретской, т. е. садомъ изобилія. Зеленѣющія пастбища, тихія воды, безчисленные цвѣты, покрывающіе равнину, весело шебечущія птички восхищали зрѣніе. Города и селенія ея были такъ многолюдны, что самыя малые изъ нихъ имѣли болѣе 15,000 жителей. По водамъ озера во всѣхъ направленіяхъ скользя до 4,000 судовъ всякаго рода, — отъ военныхъ кораблей и золоченыхъ галеръ

римлянъ до неуклюжихъ лодокъ рыбаковъ вивсаидскихъ. Въ этой странѣ и явился Христосъ...» (32 стр.). Но «горе» разразилось надъ сей чудной страной. Нѣтъ ужъ болѣе здѣсь роскошныхъ виноградниковъ и плодовыхъ садовъ, корабли и рыбацкія лодки перестали скользить по озеру, шумный говоръ людской замолкъ. Прекрасная прежде страна теперь сдѣлалась пустынною и опасною» (157). «Самое положеніе Капернаума, этого многолюднѣйшаго и богатѣйшаго изъ городовъ, доселѣ остается неизвѣстнымъ. Не смотря на такое отсутствіе жизни, черты природы остаются все тѣ же. Воды озера все такъ же прекрасны въ своей прозрачности, какъ и тогда, когда лодка апостола Петра колыбалась въ его зыблущихъ волнахъ, и Иисусъ задумчиво смотрѣлъ въ ихъ прозрачную глубину» (33 стр.). Вотъ и Иерихонъ. «Богатый и многолюдный, городъ тотъ не имѣлъ обыкновеннаго вида восточныхъ городовъ. Дома его широко раскинулись посреди прелестныхъ садовъ, тщательно орошаемыхъ и дышавшихъ свѣжестью подъ знойнымъ небомъ Палестины. «Городъ благоуханій, городъ розъ», Иерихонъ изобиловалъ медомъ, миррой и чудными многоводными родниками, дѣлающими его «раемъ Божиимъ» (220 стр.). А вотъ совсѣмъ скромный городокъ. «Сѣрые, квадратные, съ плоскими крышами дома его раскинулись по склонамъ двухъ холмовъ, раздѣленныхъ оврагомъ...; съ правой стороны находится кладбище, за которымъ струится маленький потокъ; на противоположной сторонѣ взору открывается чудная роща изъ оливковыхъ, фиговыхъ, миндальныхъ, лимонныхъ и др. деревьевъ, перемѣшанныхъ съ черноватыми кипарисами. Никакой шумъ не нарушаетъ повидимому этого уединеннаго и безмолвнаго мѣста. Утромъ и вечеромъ маленькія улицы города оживляются: по нимъ снуютъ взадъ и впередъ молодыя дѣвушки и женщины, молча и съ серьезнымъ видомъ поддерживая на плечѣ полунаклоненный кувшинъ и откинувъ назадъ покрывало. Этотъ городъ и есть прежній Назаретъ, — родина Богоматери. Здѣсь то, въ одномъ изъ скромныхъ домиковъ жила въ безвѣстности Пресв. Дѣва. Ея ноги навѣрно часто ходили по описаннымъ выше мѣстамъ» (1—2). «Въ нынѣшнемъ Назаретѣ, почти при самомъ вѣздѣ въ него, стоитъ обнесенный стѣною Латинскій монастырь. Подъ великолѣпнымъ храмомъ этого монастыря находится скромное жилище Богоматери, съ латин. надписью: «здѣсь Слово стало плотію» (7 стр.).

330 Описывая такъ тепло и поэтично, авторъ успѣваетъ въ то-же время сообщать: сколько верстъ или часовъ пути одного города отъ другого, число жителей, размѣръ озеръ и т. п. Читатель сразу видитъ, что предъ нимъ

не сухая Свящ. Исторія Нов. Завѣта, а что-то болѣе интересное и занимательное, и не ошибается. (Жалѣть только, что при книгѣ нѣтъ хотя самой незамысловатой карты Св. Земли).

Жизнь Иисуса Христа изложена именно интересно и занимательно и, кромѣ того, обстоятельно. Послѣдовательно, такъ сказать—день за днемъ, шагъ за шагомъ проходить она предъ взоромъ читателя. «Еще до восхода солнца Христосъ оставялъ городъ и удалялся въ уединенное мѣсто для бесѣды съ Отцомъ Своимъ вдали отъ шума и людей. Послѣ молитвы Онъ съ учениками Своими обходилъ селенія и города и училъ въ синагогахъ. Возвращаясь въ дѣнь, Онъ обыкновенно находилъ его наполненнымъ народомъ. Слепые, хромые, глухіе, прокаженные, нѣмые во множествѣ приходили къ Нему, ища помощи и исцѣленія. Ночью, когда всѣ уходили спать, Онъ долго еще бодрствовалъ, отдаваясь молитвѣ» (59 стр.). «Подъ яркими огнями звѣздъ восточнаго неба, при безлюдьи и безмолвьи кругомъ, стояла на росистой травѣ Его колѣнопреклоненная фигура» (69 стр.). Столь-же ясно и послѣдовательно описываются и всѣ событія изъ жизни Спасителя, Его чудеса, — въ соотвѣтствіи съ Евангельскимъ содержаніемъ и хронологіей. Поэтому и здѣсь та же естественность, изящная простота и сжатость въ изложеніи фактовъ какъ и въ Евангеліи. Приведемъ первый повѣщенный. «Вышедши изъ синагоги, Иисусъ Христосъ пришелъ въ домъ учениковъ своихъ Симона и Андрея. Теща Симона лежала въ постели въ припадкѣ сильнѣйшей горячки. Ученики сказали объ этомъ Христу. Достаточно было со стороны опечаленнаго семейства только напомнить объ этомъ, чтобы Христосъ оказалъ ему милость. Онъ подошелъ къ больной, поднялъ ее за руку и запретилъ болѣзни. Всемогущее слово Его побѣдило источники недуга: горячка оставила больную, и она встала и служила имъ» (стр. 58).

А вотъ описаніе послѣднихъ минутъ жизни Иисуса Христа, описаніе потрясающее. «Въ безмолвіи и мракѣ висѣлъ на крестѣ Спаситель міра. Угасающій взоръ стремился къ небу, но оно было мрачно. Правосудный Отецъ какъ бы оставилъ Своего страдающаго за грѣхи людей Сына. «Боже мой, Боже мой, почто Ты меня оставилъ»? воззвалъ Божественный Страдалецъ... Явилась предвѣстница близкой смерти—смертельная жажда... Божественная Глава упала на грудь, Онъ испустилъ духъ... Началось сильное землетрясеніе, одинъ за другимъ слѣдовали подземные удары. Заколебались покрытыя лѣсомъ горы, заколебались обнаженные холмы, заколебался съ величественнымъ храмомъ великій городъ, колебались и стоящіе на Голгоѣѣ

кресты. Колебание ихъ съ распятыми страдальцами, въ сумракъ представляло для бывшихъ на Голгоѣ страшное зрѣлище. Казалось, что распятые сами силится сойти со крестовъ... Виѣсто злословія и клеветы, вокругъ креста почившаго Иисуса вдругъ водворилось безмолвіе и тишина. То тамъ, то здѣсь видны были люди, которые въ раскаяніи били себя въ грудь и съ поникшими глазами и воплемъ спѣшили уходить съ Голгоѣ.

Особенно пораженъ былъ римскій сотникъ. Въ благоговѣйномъ ужасѣ стоя на Голгоѣ прямо противъ Креста, онъ воскликнулъ: воистину человекъ сей Сынъ Божій былъ!» (316).

Попутно, но съ большою экспрессіею охарактеризованы лица, окружавшія Иисуса Христа. Апостолъ Андрей—созерцательный, довѣрчивый, рѣшительный (27, 114 стр.), Іаковъ—вліятельный и поведительный (114), Филиппъ—кроткій, простодушный, практичный (27, 121), Іоаннъ—созерцательный, любвеобильный, мягкій, впечатлительный (27, 114), Тома—недовѣрчивый, чувствительный, мрачно настроенный, сумрачный (114, 212, 330), Матѣей—глубокомысленный (114), Петръ—пылкій, неуправляемый въ своихъ чувствахъ, рѣшительный въ словахъ и дѣйствіяхъ (27, 54, 123, 286, 287, 333).

Замѣчательна по силѣ и свѣжести красокъ характеристика Іоанна Крестителя. «Мѣстность, гдѣ жилъ Іоаннъ, была дикая пустыня. Нѣтъ ни единого дерева въ этой палашей пустынѣ, лишь изрѣдка только встрѣчается жидкая травка на раскаленной солнцемъ скалѣ. Кругомъ мрачное безмолвіе. Переноса страшный зной, гдѣ воздухъ проникнуть какъ-бы трещащимъ пламенемъ, слушаю вой звѣрей въ длинную ночь подъ звѣзднымъ небомъ, ходя по прибрежью моря, Креститель Іоаннъ въ своемъ уединеніи познавалъ тайны Божіи. Самый видъ Іоанна Крестителя давалъ знать, каковъ былъ этотъ учитель. Прежде чѣмъ раздавался его голосъ, загорѣло лицо, длинные волосы, кожаный поясъ, одежда изъ верблюжьяго волоса— сразу давали знать, что это былъ человекъ непоколебимаго характера и силы. Извѣстенъ былъ и образъ его жизни... «Повсюду пронеслась молва, что въ пустынѣ Іудейской жеветь человекъ, огненное слово котораго стоитъ послушать... На призывъ новаго пророка поднялся народъ» (21). Іоаннъ Креститель томился въ заключеніи. Мѣстомъ заключенія его была мрачная крѣпость Махеронъ, на скалѣ съ сѣверной стороны Мертваго моря. Ужасы тюремной жизни того времени заставляли падать духомъ самыхъ великихъ и безстрашныхъ людей, для свободнаго-же жителя пустыни,

какимъ былъ Іоаннъ, тяжесть заключенія чувствовалась еще сильнѣе. Мѣсто прежнихъ красотъ природы, онъ видѣлъ предъ собою только стѣны и ржавыя рѣшетки мрачной тюрьмы, да звѣрскія лица жестокихъ тюремщиковъ. Но могучій духъ Іоанна безропотно переносилъ всѣ тяжести заключенія» (87—88).

Нѣкоторымъ пробѣломъ въ этой исторической сторонѣ книги является отсутствіе указанія на занятія Иисуса Христа древобланиемъ, отчего для читателя непонятны названія, какія встрѣчаются въ книгѣ: «убогій плотникъ», «плотникъ Назаретскій», «невѣдомый плотникъ», «городской плотникъ» (25, 27, 51—2 стр.).

Изъ ученія Спасителя рѣчами, наставленіями и притчами книга исчерпываетъ почти все содержаніе Евангелія, а своими продуманными, логическими вставками и поясненіями авторъ придавалъ ему особенную связность, занимательность и легкость для чтенія и пониманія. Приведемъ самый обыкновенный примѣръ. «Одинъ законникъ, желая обнаружить предъ присутствующими свое знаніе закона, обратился къ Христу съ такимъ интереснымъ для всякаго вопросомъ: «Учитель! что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную?» Христосъ, указывая законнику на его званіе, коротко сказалъ: «А въ законѣ что написано? Какъ ты читаешь!» Отвѣчая на вопросъ Христа, онъ сказалъ: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ... и ближняго твоего, какъ самого себя». Христосъ одобрилъ его отвѣтъ. «Такъ поступай и будешь жить (вѣчною жизнью)», сказалъ Онъ. Указавъ законнику на законъ, Христосъ такимъ образомъ поставилъ его въ затруднительное положеніе. Почувствовавъ себя неловко, законникъ старается оправдать свой вопросъ и прикрываетъ свое отступленіе новымъ вопросомъ. «А кто ближній мой?» спрашиваетъ онъ. (Приводится извѣстная притча). «Кто изъ сихъ троихъ, думаешь ты», обратился Христосъ къ законнику, оказался ближнимъ попавшемуся разбойникамъ?» Национальные предразсудки не позволили законнику отвѣтить прямо. Языкъ его не поверчивался произнести слово «самарянинъ». «Оказавшій ему милость», не безъ досады, отвѣтилъ онъ. Тогда Христосъ сказалъ ему: «Иди, и ты поступай также» (163 стр.). Къ большинству притчей сдѣлано или временное приложеніе—для еврейскаго народа, или вѣчное—для всѣхъ временъ и народовъ, или и то и другое. Напримѣръ, рассказавъ притчу о блудномъ сынѣ, авторъ дѣлаетъ такое прекрасное поясненіе: «фарисеи не могли не узнать себя въ старшемъ сынѣ, а грѣшники и мытари всѣхъ странъ

могутъ видѣть свою жизнь въ жизни младшаго сына—расточителя. Безочеловѣчнымъ милосердіемъ вѣсть отъ этого разсказа. Нельзя исчислить, сколько сердецъ затронула эта исторія блуднаго сына, сколько уврачевала она заблудшихъ душъ, сколько призвала къ покаянію!» (202). Встрѣчающіяся неясныя изрѣченія, слова или названія пояснены: архитриклинь, виезда рака, плевелы, лидрахма, ассарій, динарій и др.; объяснены коротко и ясно праздники еврейскіе, болѣзнь прокажа и т. п.

Итакъ, общее впечатлѣніе труда о. І. Бугославскаго, труда, надо сказать, большого и отвѣтственнаго въ высшей степени, то, что книга его есть чтеніе превосходное и, какъ было отмѣчено редакціей, «весьма назидательное» (№ 4-й). Одно лишь обстоятельство вноситъ нѣкоторый диссонансъ. Это—излишній реализмъ, вызванный стремленіемъ быть до конца понятнымъ и естественнымъ въ изображеніи лицъ и событій. Есть онъ въ выраженіяхъ «проголодавшіеся ученики», «апостолы столпились» (131, 337); замѣтитъ въ густыхъ краскахъ характеристики Иуды: «при мысли о потерѣ крупно суммы у корыстолюбиваго Иуды кружилась голова» (224), «зачный Иудѣ рѣшился вознаградить свою потерю преданіемъ своего учителя» (224) «ирачный, съ сверкающими жадными глазами, съ ниспадающими на лицо клочками рыжихъ волосъ», «съ полученными деньгами въ карманѣ» (262), «съ наглою дерзостію и безстыдствомъ спросилъ онъ» (267). Реализмъ дѣлается особенно чувствительнымъ, когда рѣчь идетъ объ Иисусѣ Христѣ, выражаясь въ Богочеловѣкѣ въ качествахъ и движеніяхъ физиологическихъ и психическихъ чисто человѣческаго порядка. Вотъ они: «дни счастливаго Назаретскаго уединенія миновали» (31 стр.), «вышедши изъ города, Христосъ остановилъ на немъ свой долгій, грустный взоръ и, смотря на этотъ городъ, въ которомъ имъ прожито было столько лѣтъ счастливаго отрочества и невинной юности, горько заплакалъ» (53), «во время этого путешествія произошелъ случай, исполненный великаго значенія для св. церкви Христовой» («Великое исповѣданіе»—141 стр.), «домашніе и родственники Христа пришли къ Нему съ выраженіемъ ихъ собственнаго недовольства и упрековъ» (153), «Иисусъ чувствовалъ голодь» (24) «голодный и жаждущій сидѣлъ у колодезя» (43), «оставивъ свои сандалии у дверей, чтобы уличнымъ соромъ не загрязнить лежащихъ на полу ковровъ, Христосъ вошелъ въ домъ» (91), «взбирался по узкой и скалистой дорогѣ» (86), «когда онъ подошелъ къ смоковницѣ, то долженъ былъ разочароваться» (229), Иисусу Христу «можно было вполне рассчитывать не только на бе-

зопасность, но и на полный покой, ожиданія эти однако не оправдывались» (134), «Христосъ поднялся съ учениками на склоны горъ и расположился тамъ для отдыха и уединенной бесѣды; предположеніямъ этимъ однако не суждено было осуществиться» (119); «опечаленный и глубоко возмущенный злобыми намѣреніями враговъ» (140), «подъ вліяніемъ волновавшихся его чувствъ, онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: Вы знаете меня и знаете, откуда я» (167), «Иисусъ Христосъ, возвысивъ голосъ» (102), «свое порицаніе онъ выразилъ въ рѣзкихъ словахъ» (231), «приторные (продажные) вопли и рыданія... возмутили душу Христа... съ негодованіемъ выслалъ плакальщицъ... Онъ произнесъ два, трепетомъ прозвучавшія, слова...» (108) «Душа Христа сіяла радостію» (70), «полный спокойствія и рѣшимости, отправился въ Іерусалимъ» (222), «12 часовъ дня, по любимому выраженію Христа, оканчиваются, приближается ночь. Съ этихъ поръ Христосъ жилъ уже подъ смертнымъ приговоромъ, который висѣлъ надъ его головой. Ни одного слова горечи, ни одного проявленія малѣйшаго негодованія не срывается изъ устъ Христа» (216), интрига быстро и искусно была задумана... но Христосъ сразу уразумѣлъ намѣренія своихъ враговъ и сорвалъ съ нихъ личину лукавства» (239) «отразилъ такимъ образомъ нападеніе и разстроилъ планы своихъ враговъ» (234), «съ необычнымъ присутствіемъ духа, которое не терялось при самыхъ враждебныхъ нападеніяхъ... сказалъ» (232), Христа «надѣляли пощечинами» (289).

Эти краски реализма, положенныя въ разныхъ мѣстахъ книги, а сейчасъ для усиленія впечатлѣнія и тона скристаллизованныя, придаютъ изображенію въ ней Богочеловѣка характеръ художественной картины, — съ искрой жизни, свѣтомъ и тѣнями, но не иконы...

Кругъ читателей эту книгу ожидаетъ большой. Съ любовью почитаетъ или послушаетъ ее не только воинъ христіанскій, но и каждый христіанинъ. Пойдетъ она по градамъ, селеніямъ и весямъ, и вездѣ въ каждомъ домѣ, семьѣ, будетъ встрѣчена какъ драгоценная повѣсть о жизни Спасителя.

Хорошо будетъ свѣтитъ она—въ помощь Святому Евангелію; и нигдѣ не исчезнетъ безслѣдно—въ призывѣ къ свѣту Христову. Такъ не будетъ бесплодна она и въ другой своей миссіи: отовсюду внесетъ за себя (это сдѣлаетъ словно бы самъ Спаситель Христосъ) «подать священную»

(151)—динаріи и златницы кинсонныя: во благо, прирѣніе сирыхъ, вдовицъ и убогихъ, въ честь и радость «списателя» и многопечительнаго отца издателя.

22-го Восточно-Сибирскаго полка священникъ **А. Богословскій.**

